

ИМЕНИЕ МАРКОВЫХ

Иван Бурдуков

Иван Бурдуков
Имение Марковых

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бурдуков И.

Имение Марковых / И. Бурдуков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Туда приходят только посвящённые. От этих людей зависит всё в городе, а то и в государстве. Там происходят сделки немислимых масштабов. В руках этих людей вся власть. Но главному герою это не даёт утешения.

I Имение Марковых

Вечера каждый раз проходят напыщенно. Величавое убранство дома освещается неярким светом, не утомляющим глаза и создающим тёплую идиллию доверительности. Попадаешь совсем в другое пространство, где все находящиеся обязательно имеют сокровенные тайны, разглашающиеся, обсуждающиеся только и только здесь. Чем богаче всё выглядит, чем дороже выглядят лица пришедших, чем влиятельнее и угрожающе-величественнее звучат их должности, тем сильнее приём походит на подделку. Приглашаются разные люди: и депутаты Законодательного Собрания, и чиновники из администрации города, из правительства области, и бизнесмены, оказывающие свою роль на экономику города, а также на определённых политиков в частности. Приходят вовсе неизвестные обывателю личности, оттого не менее влиятельные. Часто появляются жёны и дети всех этих деятелей – и теперь дом насыщается ещё и жеманными манерными дамами и их привередливыми наследниками. На самом же деле открываются такие люди нехотя, но цель этого дома – обеспечить им эту возможность. Своими толстыми кулисами, непроглядными для общественных взглядов, этот дом охраняет забежавших на огонёк богачей. Вход на данное мероприятие ничего не стоит – сюда попросту нельзя попасть без приглашения. Иногда, разумеется, приходят новые люди, но посторонних здесь не бывает. Редко заходит мэр города, Станислав Юрьевич Ипатов, человек невысокий и худой, брюнет с редко пробившейся сединой, ранней для его возраста. Отважный антикоррупционер, каким он слыл изначально, узнал все тайны города за неделю до выборов. Смирившись со своим невольным марионеточным положением, он существовал неммым соглядатаем, получающим свою символическую долю от всех махинаций.

Всем своим видом, манерами и наружностью каждый ищет расположения и деловых друзей. Говорят много, культурным тоном, спорят с улыбкой на лице, вынужденные делать уступки в общих делах – ненавидят, улыбаясь. Слышатся: разные рассказы о грядущем, слухи, вполне уверенные заявления о скорейшем назначении того или иного человека на ту или иную должность, неочевидные казалось бы факты, на деле являющиеся абсолютными – истина не скрывается, поэтому лукавить здесь ни к чему. Разговоры о роли денег – редкость. Говорят о вложении денег, об их обороте и приумножении, но о роли – не особо.

Каждую первую и третью субботу месяца такие приёмы устраивают Марковы – семья, своими корнями уходящая к основателям города. Дом этот называют: имением Марковых. В день приёма, ровно в семь часов вечера, шикарные большие двери дома, больше похожие на ворота, растворяются, и рядом с входом встаёт дворецкий. Все называют его Виктор, и обращаются к нему не надменно, как к любой другой прислуге, а почётно, с некоторой боязливостью. Вновь прибывшие новички иной раз норовят назвать его то «господин Виктор», то «товарищ Виктор». В его функцию входит встречать гостей и прощаться с ними. Внутри к этому времени уже выставлен бар с дорогими напитками, под разные вкусы прихожан. Аудиосистема разносит классическую музыку, служащую ни сколько украшением акустического пространства дома, сколько маскировкой, для комфорта активного общения гостей. Сквозь стеклянные двери, ведущие на задний двор, виднеется прекрасный ухоженный сад, за которым ежедневно присматривает садовник. При выходе в сад сразу ощущается аромат сирени. По берегам дорожки, вымощенной брусчаткой, произрастают холёные кусты чубушника, жимолости, гортензии и барбариса. Если следовать по дорожке, можно прийти к старенькой ажурной беседке на берегу небольшой речушки, рядом с которой величаво царствует пожилая ива. Беседка открывает загадочный вид на качающийся от ветра сосновый бор.

Сегодня я здесь встретил Аллу. Её отец – Всеволод Дмитриевич Заблудский, страшный брюзга и мизантроп – владелец сети торговых центров по всей области, нескольких золотых приисков, двух медных заводов, а также самого крупного в области сталеплавильного завода.

Всё это ему досталось в наследство около десяти лет назад, а сам он за свои пятьдесят три года держал молоток однажды – для фотографии в городскую газету, где его охарактеризовали «начальником, с которого нужно брать пример». В городе семью Заблущих знал каждый, а они предпочитали знать в значительной мере влиятельных людей, остальных по природе своего самовозвеличия не могли принимать за равных себе – поэтому принимали за чернь. Всеволод Дмитриевич с детства был избалованным, и к своим годам стал одиозным, своенравным и бескомпромиссным человеком.

Красавица Алла – студентка четвёртого курса экономического ВУЗа, известного своими знатными выпускниками, многие из которых занимают высокие городские чины, и вследствие, часто встречающихся в данном доме. Известен этот ВУЗ ещё и системой взяточничества, выраженной в достаточно открытой форме, поэтому наглядно, что больших успехов в нём достигают дети обеспеченных и влиятельных людей. Вполне справедливо обучать будущих экономических деятелей используя механизмы их будущего заработка.

Пунцовое вечернее платье Аллы с глубоким декольте кружило голову каждому мужчине. Привыкнуть к этому аперитиву не сможет никто, хоть, я уверен, и тот, кто видел её без белья. Но что же она творит, когда так одевается. Первая мысль всегда – увидеть её объёмы необлечёнными в обтягивающую ткань; вторая мысль – заняться с ней страстной любовью. В этом платье она – персона фантазий, вдохновительница какого-нибудь стихотворения, бокал красного сухого вина на вечернем свидании. Достанься она тебе, что ты сделаешь: станешь медленно распивать этот бокал, или решишься залпом напиться этого чудесного вина? Без платья она – женщина, представляющая любовь в самом неприличном смысле этого слова, если угодно, похоть. Глаза ясные и строгие, нежные алые губы, обнажённые руки и шея, глубокое декольте и пышная полуобнаженная грудь – неприкосновенны и к тому же дико манящие, завораживающие, как дай вам взглянуть на роскошный автомобиль – и всё-таки не более чем взглянуть. Смотри сколько угодно, но не улыбайся ей, не тревожь её своим присутствием, будь бесчувственным наблюдателем за прекрасным – будь совершенным мертвецом. «Не существуй в её реальности, глазей на неё, пусть она станет твоей богиней», – так наверняка думал всякий, смотря на неё, только не я.

– Я тебя нигде не встречала раньше? – спросила меня эта девушка, когда я безразлично оглядывал её гладкие ножки. Её лицо было непритворно заинтересованным, видимо, она действительно могла меня где-то видеть.

– Я нездешний.

– Да? – удивлённо спросила она. – Откуда же ты?

– Приехал из области. Лучше расскажи, какими судьбами ты здесь?

– По правде я здесь первый раз. Знаешь, я пришла с папой – он очень влиятельный человек.

– Думаю, тут о каждом можно так выразиться.

– Мой папа влиятельней многих находящихся здесь.

– Ну же, будь поскромнее. И не говори этого больше никому, хорошо?

– Почему?

– Заверяю тебя, каждый из этих людей себя считает влиятельнее другого – так что не стоит раззадоривать их Эго.

– Что ты здесь делаешь, среди всех этих людей? Не похоже что ты один из них.

Я не успел ответить. В этот момент к нам подошёл её отец и посмотрел на меня недоброжелательным взглядом. Протянув ему свою руку, я располагающе посмотрел на него и представился:

– Александр Александрович Севастьянов. А вас я знаю Всеволод Дмитриевич, слышан. Улыбнувшись, из глаз его укор никоим образом не исчез.

– Приятно познакомиться. И каков род вашего занятия? – сухо спросил он.

– Алмазы. В России под моим руководством шесть крупнейших алмазодобывающих карьера и две шахты. За границей: в Намибии, Сьерра-Леоне, Анголе и Заире – у меня ещё порядком двадцати карьеров и одиннадцати шахт. Помимо прочего, это моя основная деятельность.

– Это восхитительное открытие, мой друг! – вдруг разгорячённо произнёс Заблужский. От его духовного подъёма мне чудилось, он признал во мне дальнего родственника. – Вы и за кордоном всё успеваете. Как это у вас всё получается? Знаете, я ведь тоже по ископаемым, не по таким благородным как вы, но всё же – золото, медь. Вы здесь как, по делу? Раньше я вас не встречал.

Он предельно вспотел и норовил вывести меня на деловой разговор.

– Благородное дело – побывать в имении Марковых. Раньше посещал, после был вынужден покинуть страну.

– Быть может, вас интересует добыча золота. Мы работаем здесь в области, можем завтра же съездить и осмотреть мои прииски, проследим ход работы, если вам интересно. И лететь никуда не нужно. Кстати, совсем забыл, совершенно недавно было обнаружено новое месторождение, прямо-таки в двух шагах от моего. И как это его раньше не могли заметить, ведь такая лихорадка тут происходила. Можем завтра съездить.

– Вы меня, пожалуйста, простите, я сегодня уже обсудил кое-какие дела с Михеевым и Богдановым.

– Да? Что ж, Алексан Саныч, я понимаю, понимаю, – Заблужский опешил и опечалился. – Досадно. Думаю, тогда в другой раз.

Я перевёл взгляд с лица Заблужского на лицо его дочери, затем на её бросающуюся в глаза грудь, искренне улыбнулся и посмотрел снова на него.

– В другой раз наверняка, Всеволод Дмитриевич. Приятного вечера. – Слегка приподнял бокал со скотчем и попрощался с ними. Алла улыбалась мне.

– Надеюсь эта встреча не последняя, – сказал Заблужский и махнул стакан залпом. Его разочарование было несказанным и очень заметным.

Вкусив чистосердечного разочарования Заблужского, я решил покинуть дом и направился в бар.

II

Собственная Вселенная

В этом баре я частенько появлялся, всегда в компании Леры. Вот и сегодня она сидела за барной стойкой, привычно общалась с барменом и неприятного вида дальнобойщиком.

Леру мне привелось знать с детства. Есть простые девушки, и к тому же привлекательные – такие девушки меня приводят в идеалистический восторг. Они наши лучшие друзья и любовники, в них мы находим себя, а любовь с самим собой – лучшая мечта из всех известных мечтаний. Лера – такая девушка. Однако в чём я определён: до любви мне ещё очень далеко.

– Привет. Дим, мне, пожалуйста, бренди. А ты что пьёшь? – обратился я к Лере.

– Это называется бумбо.

– Ром, вода, сахар, мускатный орех и корица, – добавил бармен Дима. – По легенде, его придумали пираты.

– Да-да, пираты, – подыграл дальнобойщик. Он разговаривал сам собой.

– Ты знаешь, вполне сносно. Попробовать не хочешь? – сказала Лера.

Она пододвинула свой стакан мне. Сделав глоток, я выразил лицом: «неплохо».

– Наши вкусы всегда были схожие, – сказала она.

Дальнобойщик был ужасно пьян, с невероятной силой размыкал тяжёлые веки. Бармен Дима, привыкший к таким элементам, положив ему руку на плечо, предложил ему пойти проспаться.

Дальнобойщик развернулся на сто восемьдесят градусов и, покачиваясь, вышел из бара.

– Как у тебя день прошёл? – сказал я.

– Сегодня бездельничала весь день, представляешь. Лежала дома и читала книжку. Под вечер накопилась какая-то усталость. От безделья что ли бывает усталость?

– Где-то слышал, это называется отдыхом. По-моему, так.

– Не иронизируй.

– Тебе надо привыкнуть отдыхать по-настоящему. Давай улетим куда-нибудь? Куда пожелаешь. Я хочу научить тебя отдыхать и очень буду рад отдохнуть вместе с тобой.

– Только не сейчас. У меня только всё наладилось с работой, ещё я в автошколу записалась. Время сейчас не лучшее.

– Замечательно.

– Это было неискренне.

– Верно. Хочу, чтобы хорошим людям жилось в нашем мире чуточку лучше, чем другим.

Пока всё наоборот.

– Ты думаешь, я хорошая?

– Очень.

– А, хорошая или хорошенькая?

Она почему-то подумала, что меня огорчил её отказ, и пыталась меня развеселить.

– Хорошенькая ты сегодня будешь от этого бумбо! – смеясь, отвечал я.

Мы вдоволь посмеялись. Отчасти стало жаль, что мои серьёзные слова насчёт Леры обернулись в шуточное дурачество.

Около четверти часа ночи мы побрели ко мне. Мой галстук висел на шее Леры, один конец был закинут назад, как кашне. Пиджак на мне был расстёгнут, две верхние пуговицы рубашки тоже. Весёлые и лёгкие мы держались за руку, шли безумной несвязной походкой и пили martini прямиком из бутылки, по-детски баловались. Она убежала от меня, но оборачивалась и, увидев как я её догоняю, громко симпатично смеялась.

Забежав с Лерой в круглосуточное кафе, мы зашли в туалет. Лера зашла в кабинку, а я посмотрел на себя в зеркало и произнёс:

– Боюсь себе представить тебя без одежды.

– Тебе понравится, Жень.

– Надеюсь у тебя не отвисшая грудь.

– Ты что уже видел меня голой? – она громко рассмеялась. Эхо её мелодичного смеха разнеслось по кабинке.

Перевидав женщин всякого покроя и фасона, на очередную женщину уже не смотришь вожделенно; не смотришь на её обмокший вид, как на нечто сакральное; возбуждаешься физически и только. Утрачиваешь эту неосознаваемую обуревающую половую связь и уже не видишь в женщине нечто уникальное. Ты видишь её очаровательную грудь и чувствуешь её волосы, кожу, вибрацию связок, когда она смеётся, и можешь дотронуться до каждой части её тела – но это не вызывает в тебе эмоций, как будто ты трогаешь тёплую мягкую статуэтку. С Лерой я всегда мог почувствовать удовольствие обычного времяпровождения. Она милая, не скрою, мне нравятся поцелуи с ней, её макияж не режет глаз, она не высокомерная, доступная и открытая для меня одного, для меня одного готовая на всё. Оттого что я вижу в ней кого-то большего, чем просто женщину, я могу испытывать к ней чувства.

Обычно, встречая девушку и считая её потенциально своей, я представлял её лицо всё в слезах, представлял, как она обижена на меня, самую обидчивую из гримас – и тогда, смотря на получившийся образ этого лица, я и делал выбор: знакомиться с ней, или нет. В слезах

женщины я замечаю интимные подробности её характера, темперамента, сущности. Самая необычная женщина – плачущая. Плачущая Алла в моих фантазиях выглядела жалко, истерила и говорила напропалую всё на свете, дабы получить своё, как заносчивый ребёнок, которому впервые решительно отказали. Лера в моих грёзах плакала тихо и не говорила ни слова, пока я на неё смотрел, затем вставала и уходила, вытирая слёзы. Вот различие душевной изменности и душевного благородства; натуры прекрасной, великодушной и чёрствой, малодушной.

Собственная постель, не заправленная и взъерошенная. Собственный круг вокруг себя, начерченный мелом проб и ошибок. Собственная квартира в триста тридцать квадратных метров, вырезанная в пятидесятиэтажном доме. Собственная планета. Собственный космос. Лера, не собственная, но и совсем не чужая мне, на моей собственной кухне готовит по запаху что-то очень вкусное.

Я отлучился от Леры, пока она готовила и приятно напевала что-то нетривиальное и цепляющее; я бы начал подпевать, зная слова. В моём кабинете я взял коробку с роскошным колье, вынул его и бросил в угол. Достав из стола золотую цепочку с подвеской, аккуратно положил её в коробку. Это ожерелье подарил отец моей матери в один из дней её рождения, на что в ответ моя мама ответила отцу, что беременна (мною). Позже отец обанкротился, квартиру пришлось продать, продать машину и всё-всё предполагающее хоть какую-то ценность. Всё, кроме этого ожерелья. Оно осталось, и моя мама просила продать и его – отец забрал ожерелье у матери и, скрепя сердцем, заявил, что продаст на следующий день.

Спустившись вниз, Лера уже закончила готовить. Она пела теперь другую песню своим чудесным голосом. Мне кажется, это песня репертуара «Битлз», но не так важно. Пританцовывая, она смешно, притом очень грациозно приближалась ко мне.

– Стой, Лер. Я хочу тебе дать вот это. – Достав из-за спины коробку, я подал её Лере.

Она остановилась.

– Я думаю, не надо было... – говорила она, держа коробку закрытой.

– Это моей мамы, – прервал её я, – пусть это будет твоим.

Лера покорила и открыла коробку. Она очень серьёзно оглядела простенькое ожерелье. Взяла за подвеску с розовым камнем.

– Оно красивое. А какой этот камень...

– Это топаз.

Лера прижала его к груди и подняла глаза на меня.

– Почему ты отдаёшь его мне?

– Это принадлежало важной для меня женщине, и я хочу, чтобы оно и впредь принадлежало такой женщине.

Она растрогалась и обняла меня. После этих слов я боялся представить себе мир без Леры, этой обходительной и незаурядной девушки. Я держал её и не решался выпускать в страшный безнравственный мир.

III

Евгений Марков

Страшно жить в одиночестве и быть зависимым от одного себя. Одиночество – непримиримый спутник, принуждает к причудливым вещам. Без твоего ведома позволяет тебе увидеть мать, превратиться в ребёнка, лечь рядом с ней в одну кровать и уснуть. Проснувшись, уловить доносящийся запах какой-нибудь выпечки с кухни. Радио в это время наигрывает задорную мелодию. Ты поспешишь выйти на кухню и поразить её собой, простым своим пробуждением, взлохмаченными волосами и сонным лицом. Она побросает всё и обнимет тебя. Ты будешь счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.